

А. С. Ивинская
Вильнюс (Литва)

Ахматова в литературном сознании литовской эмиграции

В конце XIX–начале XX века на фоне завершения сложного процесса формирования литовского литературного языка начался период модернизации литовской поэзии. К 1930-м годам ее жанровый диапазон как современной и европейской в основном сложился. Одним из факторов оформления новой литературной ситуации стало напряженное внимание литовских поэтов к современной им русской литературе и, в частности, к творчеству Ахматовой. Многие из них вскоре окажутся в эмиграции, наиболее ощутимую волну которой Литва пережила в 1944 году, когда в конце Второй мировой войны на Запад уехало 60 000 человек; значительное место среди них занимала национально ориентированная интеллигенция.¹

С творчеством Ахматовой поэты литовского экзода познакомились еще в Литве, где до Второй мировой войны она была хорошо известна. В 1917 году Балис Сруога, получивший образование в Петербургском университете и имевший представление о русской литературной жизни, выступил в роли первого переводчика Ахматовой. Он перевел три из пяти ее стихотворений, входящих в знаменитый вокальный цикл Сергея Прокофьева.² Затем, в межвоенной Литве, ее переводили Саломея Нерис (1904–1945), Гражина Тулаускайте (1908–1990), Алексис Хургинас (1912–1990).³

В это же время творчество Ахматовой оказалось в поле зрения литовских литературоведов. В 1930 году сотрудник Каунасского университета Миколас Банявичюс (1883–1963) опубликовал статью на литовском языке «Пролетарская литература в советской России», в которой писал, что «оставшиеся в России поэты Сологуб, Ахматова, Волошин должны были молчать, Гумилев погиб от революционной гильотины, другие, как Блок, вымерли от болезней».⁴ Этот мотив вынужденного молчания станет в дальнейшем одним из постоянных «спутников» «литовской» Ахматовой.

В 1931 году была опубликована статья на русском языке «Новейшая русская поэзия», подписанная «М. Кемшис».⁵ Она представляла собой обзор новейшей русской поэзии с характеристиками творчества поэтов, оставшихся в России. По мнению автора, акмеизм – вторая по значимости после символизма поэтическая школа, но считать ее современной нельзя, так как сформировалась она до революции, и ее представители, творчество которых все еще пользуется популярностью, либо мертвы, как Гумилев, либо больше не пишут и не печатаются, как Ахматова. О ней в статье говорится: «Также мало современна стала и Анна Ахматова, которую любят, чтут, признают ее исключительно высокую культуру стиха, но которую постепенно забывают».⁶

Оказавшись в эмиграции, литовские поэты, испытывая ностальгию по культурной жизни довоенной Литвы, в которой уже фигурировало творчество Ахматовой, интересовались ее судьбой и отношением к ее поэзии на родине. В 1962 году поэт Генрикас Радаускас (1910–1970), сравнивая статью об Ахматовой в новой литературной энциклопедии с той, издание которой было прекращено в 1939 году, писал: «Новая, насколько возможно, старается придерживаться приличий. Само собой разумеется, и в ней осуждаются враги народа, но грубые нападки избегаются. Например, уже не пишется о “гнилых позициях” Ахматовой. И если большой любви к ней и не выказывается, все же признается, что она “большой мастер стихотворной формы”».⁷

Радаускас из русских поэтов больше всего ценил Мандельштама, Ахматову, Гумилева.⁸ Его интерес к творчеству Ахматовой мог быть вызван посещением Театральных семинаров Сруоги, который в Каунасском университете читал лекции об Ахматовой.⁹ Жена Радаускаса Вера Сотникова училась в Императорской балетной школе, после травмы оставила балет. В 1930-е годы в Каунасе она познакомилась с русскими эмигрантами, общалась с Львом Платоновичем Карсавиным.¹⁰ В силу собственного балетного прошлого, она не могла не испытывать интереса к его знаменитой сестре – балерине Тамаре Карсавиной. Имена Тамары Карсавиной и Ахматовой были давно связаны друг с другом в культурном кругозоре людей «серебряного века». Еще в 1914 году в литературно-артистическом кафе «Бродячая собака» прошел вечер, на котором был представлен посвящен-

ный Карсавиной сборник, где были стихотворения Анны Ахматовой «Тамаре Платоновне Карсавиной» и Николая Гумилева «Долго молили о танце мы вас, но молили напрасно...».¹¹ С этой культурной средой Вера Радаускаене познакомила своего мужа Генрикаса.

В 1952 году в Чикаго Радаускас приобрел выпущенную в том же году в Нью-Йорке книгу Ахматовой «Избранные стихотворения».¹² Радаускас критически отозвался об этом издании, обратил внимание на то, что в нем «очень много корректурных ошибок», однако отметил, что «даже это не может испортить впечатления от поэзии Ахматовой». Он писал: «Сборник не плох уже потому, что Ахматова очень немного написала средних стихов, только жаль, что в книге много примитивных ошибок, из-за которых просто невозможно иногда понять смысла».¹³ Как пример такой ошибки Радаускас приводит слово «подкапризная» из стихотворения Ахматовой «Одни глядятся в ласковые взоры...». Стихотворение Ахматовой было посвящено Николаю Владимировичу Недоброво, и упоминаемая в нем Подкапризная дорога в Царском Селе была любимым местом их встреч. По мнению Радаускаса, то, что географическое название в этом издании написано со строчной буквы, могло запутать читателя, который не знаком с этим топонимом.

Впечатление на Радаускаса произвел и изданный в 1965 году первый том собрания сочинений Ахматовой под редакцией Глеба Струве и Бориса Филиппова.¹⁴ В нем он обнаружил много незнакомых ему ранее хороших поздних стихотворений и много портретов Ахматовой, которые он почти забыл за 25 лет эмиграции, и которые он оценил так: «В первом томе много впечатляющих ее портретов, особенно хороши ранние кисти Анненкова и Альтмана и один Тырсы, на котором она изображена в среднем возрасте». Рисунок Модильяни, по мнению Радаускаса, «не отражает настоящей Ахматовой и вообще слабый».¹⁵ Отметим, что современники замечали удивительное сходство жены Радаускаса Веры с Ахматовой. Близкий друг Радаускаса поэт Альфонсас Ника-Нилюнас (1919–2015) писал в дневнике: «Она была замечательным человеком. Своей грацией, осанкой и чем-то еще она удивительно напоминала Ахматову».¹⁶ Так констатация внешнего сходства с Ахматовой оказывалась наиболее существенным аргументом в пользу высокой оценки человеческих качеств ее современницы.

О стиле Ахматовой Радаускас пишет: «Ахматова, несмотря на свой классический стиль, абсолютный модернист».¹⁷ Радаускас сравнивает Ахматову с Рильке и Гумилевым. По его мнению, «хотя у Рильке попадаются и плохие стихи, а у Ахматовой таковых почти нет, все же ее талант меньше, чем Рильке». В то же время, по его мнению, Ахматова лучше Гумилева, так как последний часто не «натурален» (в его стихах проступают следы работы над поэтическим текстом), иногда «слишком романтичен».¹⁸

В дневниках Ника-Нилюнаса обнаруживаются многочисленные записи о творчестве, книгах, отдельных стихотворениях Ахматовой. Так, обсуждая «Поэму без героя», он отмечает, что она предназначена не всем читателям, а только немногим знающим, посвященным, обладающим определенной культурной интуицией. Расшифровать и дополнить недосказанное читатель должен сам, а поэзия Ахматовой, таким образом, оказывается средством идентификации носителей элитарной культуры, которые не только способны понимать литературу, но также способны соотнести ее с другими видами искусства. О «Поэме без героя» Ника-Нилюнас пишет: «Это не синтез сердца и слова, как должно быть в поэзии, а некий сценарий, где визуального изложения больше, чем слова».¹⁹

Известный в кругах литовской эмиграции критик Римвидас Шилбайорис (1926–2005) сопоставил ряд произведений Ахматовой и Ника-Нилюнаса, отметив выразительные «параллели». В философских стихотворениях Ника-Нилюнаса образы, означающие отдельные явления и понятия, такие как вода, река, смерть, птица, любовь, язык, тишина, изгнание, камень, память, объединяются в устойчивые мотивные комбинации; при этом они образуют «изотопии – линии, соединяющие различные поэтические образы-символы», напоминающие о соответствующих конструкциях в поэзии Ахматовой.²⁰

Например, в стихотворении Ника-Нилюнаса «Тяжело падал последний» читаем (перевод дословный):

И только сейчас я узнал,
Что такое изгнание: это могильные памятники,
Тихая чужая речь,
И мне теперь

Вечно придется писать *ex ponto*,
Зная, что белый камень во дворе,
Падая в колодец,
Говорит так, как мы.

В этом фрагменте, по мнению Шилбайориса, все элементы созданной Ника-Нилюнасом конструкции перекликаются с «линией», которую провела Ахматова между камнем, жизнью и памятью в стихотворении «Как белый камень в глубине колодца».²¹

Внимание к творчеству Ахматовой сочеталось с интересом к посвященной ей биографической литературе. Это характерно для Ника-Нилюнаса, который, судя по его дневниковым записям, читал книги Анатолия Наймана, Лидии Чуковской, Исаяи Берлина.²² Ника-Нилюнас критически оценивает достоверность информации, изложенную в их воспоминаниях, и готов усомниться в их познавательной ценности: «Что я из них узнал или что я якобы узнал?». Понимая, что все, что так его восхищало в Ахматовой, уже стало легендой, мифом, Ника-Нилюнас заявляет, что ничто не заставит изменить его взгляд на ее творчество.²³ Узнав о смерти Ахматовой, Ника-Нилюнас в своем дневнике записал: «Позавчера умерла Анна Ахматова. Последняя из великой четверки русских поэтов XX века. Вечная память».²⁴

При этом Ника-Нилюнас не рассматривал поэзию Ахматовой как специфически европейскую и не отделял ее от русской традиции. Так, прочитав сборник Томаса Венцловы (1937) «98 стихотворений», Ника-Нилюнас счел нужным отметить, что его поэзия не западная, а по своей сути скорее антизападная, и это не недостаток ее, а своеобразие, поскольку его духовная родина не Лондон, Париж или Рим, но Санкт-Петербург Гумилева, Ахматовой, Пастернака и Мандельштама.²⁵

Личное знакомство Т. Венцловы с Ахматовой, его вклад в популяризацию ее творчества в Литве и в эмиграции – одно из центральных событий в истории литовского «ахматовского текста», отчасти обсужденное самим Венцловым.²⁶ Здесь напомним лишь несколько строк из посвященного Иосифу Бродскому стихотворения Венцловы «В Карфагене через много лет», в котором фигурирует время смерти Ахматовой – начало марта, и перефразируется небольшой фрагмент ее стихотворения «Смеркается и в небе темно-синем»:

И на мосту, сквозь ржавую решетку
 Просовывая руки в рукавичках,
 Кормили дети пестрых жадных уток,
 Что кувыркались в проруби чернильной.²⁷

В упомянутом стихотворении Венцлова перефразирует эти строки (перевод дословный):

Еще отяжеляет чувства начало марта,
 еще темнеет в саду
 хромой Гермес, наполовину прикрывшись жесткой
 дощатой вселенной,
 еще не раз из чужой строфы прилетит, из мглы зазвучит
 пестрых продрогших уток стая,
 на черной замерзшей воде.²⁸

В 1953 году в Бостоне началась реализация крупнейшего культурного проекта на литовском языке – Литовской энциклопедии. Напечатанная здесь статья об Ахматовой долгое время формировала ее восприятие литовским читателем. Бостонская энциклопедия учла «ждановский» контекст: «Поэзия Ахматовой о любви основывается не на сексуальности, а на драматизме чувств. Эта безыдейная, неприемлемая для большевизма поэзия Ахматовой перепечатана русскими эмигрантами. В 1946 году и советы выпустили сборник Ахматовой, но в скором времени она попала в немилость, и только в 1951 году были напечатаны ее стихи из цикла “Слава Миру”».²⁹ В этом смысловом поле особенно выразительно звучат рассуждения Ника-Нилюнаса об общей судьбе оставшихся на родине русских и литовских поэтов: «В одну и ту же униформу общей судьбы должны были облачиться все великие русские поэты постсимволистской эпохи. В этих фатальных рядах шагал Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Ахматова – все заглушенные голоса. К ним после трагедии 1940–1945 годов присоединились Миколайтис Путинас, Мишкинис, Матузявичюс и другие, так или иначе терроризируемые оставшиеся на родине наши поэты. Песни и гимны властям, которые они вынуждены были писать, для нас являются документом интеллектуального террора и насилия».³⁰

В 1968 году в эмигрантском журнале «Драугас» были опубликованы переводы стихов Ахматовой, выполненные дипломатом, пе-

реводчиком Повиласом Гаучисом (1901–1991). Он перевел два стихотворения Ахматовой, входящие в стихотворный цикл «Северные элегии» («Так вот он – тот осенний пейзаж» и «Есть три эпохи у воспоминаний»), и одно из цикла «Эпические мотивы» («Смеркается, и в небе темно-синем»).³¹ В сопровождающем переводе биографическом очерке Гаучис писал: «Анна Ахматова, по мнению русских критиков, после смерти Пастернака крупнейшая русская поэтесса, считалась большевиками представительницей декадентского Запада, поэтессой буржуазного мира. С 1925 до 1940 года была вынуждена молчать. <...> Но через некоторое время она все же заняла свое почётное место в русской литературе и уже в 1958 году ее считали одним из крупнейших русских поэтов».³²

Творчество Ахматовой упоминается и в контексте духовных размышлений покинувшего Литву в 1944 году священника из Чикаго Альфонсаса Грауслиса (1902–1988). В статье-проповеди «Одиночество человека», напечатанной в эмигрантском издании «Письма Литовцам», теологические рассуждения иллюстрируются, в частности, цитатой из стихотворения Ахматовой «Есть в близости людей заветная черта». Грауслис писал: «Поэтесса Ахматова глубоко заметила, что в душах людей есть черта, которая каждого из них оставляет в одиночестве. Эту черту не может преодолеть ни страсть, ни любовь. Этим она хочет сказать, что, казалось бы, между близкими по духу людьми в порыве любви и страсти остается какая-то необъяснимая отчужденность и отдаленность».³³ Обращение в проповеди, ориентированной на сознание литовцев, к творчеству Ахматовой – не случайно. Тонкая и, казалось, неожиданная в устах священника аллюзия на ее поэзию позволяет высказать предположение о том, что в данном случае мы имеем дело с «прояснением» особого статуса Ахматовой в литовском культурно-религиозном сознании, в котором на уровне культурных интуиций она находила свое место.

Более того, в довоенной Литве, а затем в литовском зарубежье поэзия Ахматовой воспринималась как бы вне контекста «советской» или «пролетарской» поэзии. В ней видели «абсолютного модерниста», тяготеющего к «классицизму», но этот «классицизм» мыслился как претендующий не столько на уход из современности, сколько на утверждение себя в ней. Например, в 1953 году в журнале «Литературос ланкай» говорилось: «Анна Ахматова – знаменитей-

ший русский поэт XX века, в чьей поэзии удивительно гармонично чувство такта и умственный элемент сочетается с женским мировосприятием, своими сдержанными, и в то же время патетическими стихами она во многом способствовала созданию нового классицизма в русской поэзии».³⁴ О том же говорит Т. Венцлова: «К русским классикам, а не к советским писателям я отношу Блока и Ахматову – здесь, я думаю, никто со мной спорить не станет».³⁵

На протяжении уже более ста лет творчество Ахматовой усваивалось культурой Литвы и в каком-то смысле взаимодействовало с ней, становясь ее значимым подтекстом. Нельзя не согласиться с профессором Вильнюсского университета Викторией Дауэгитей, которая объяснила это явление так: «Большой поэт, прежде всего принадлежит своему народу, принадлежит всем. Но только настолько, насколько другой народ сможет его познать, вживить его в свою культуру. Великий русский поэт Ахматова для литовцев стала значительной не насильственно навязываемой дружбой народов, а значительно раньше, – через свободные творческие интересы и свободное духовное родство».³⁶

¹ *Mockūnas L. Įvadas // Egzodo literatūros atšvaitai: Išeivių literatūros kritika. 1946–1987. Vilnius, 1989. P. 7.*

² *Sruoga B. Raštai. Penktas tomas. Pirmą knygą. Vertimai. Vilnius, 1998. P. 783–784.*

³ С. Нерис переводила Ахматову в 1927–1928, до 1945 все переводы, кроме стихотворения «Хорони, хорони меня, ветер...» печатались как ее оригинальные стихотворения. См. *Nėris S. Raštai. Antras tomas. Vilnius, 1984. P. 295–296.* См. также: *Тименчик П. Нерис / Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2009. С. 588–589.* Выполненный Г. Тулаускайте в 1931 году автограф перевода стихотворения Ахматовой «Гость» хранится в коллекции библиофила Альгимантаса Антанявичюса. Поэт, переводчик Алексис Хургинас в 1936 году под псевдонимом «S. R.» перевел стихотворение Ахматовой «Твой белый дом и тихий сад оставлю...» (*Achmatova A. Paliksiu sodą, slenkstį tavo namo. Vertė S. R. [A. Churginas] // Židinys. Kaunas: V. Mykolaitis, 1936. №. 8–9. P. 160.*)

⁴ *Banevičius M. Proletarų literatūra Tarybų Rusijoje // Darbai ir dienos. Kaunas: „Spindulio“ spaustuvė, 1930. №. 1. P. 178.*

⁵ *Кемшиус М. Новейшая русская поэзия // Darbai ir dienos. Kaunas: „Spindulio“ B-vės spaustuvė, 1931. Nr. 2. P. 219–249.* По мнению исследователей, псевдоним «М. Кемшиус» был коллективный, им подписывались Б. Сруога, М. Банявичюс и Винцас Креве-Мицкявичюс. См. *Žukas V. Dėl pseudonimo M. Kemšis // Apie lietuviškuosius slapyvardžius. Vilnius, 2008. P. 124.*

⁶ Там же. P. 224.

⁷ *Radauskas H. Henriko Radausko laiška Ivarui Ivaskui. Sudarė S. Gaižiūnas. Vilnius, 2009. P. 204.*

⁸ *Churginas A., Geda S. „Jei apdainuoji girias, tebūnie jos konsulo vertos“ // Švyturys. Vilnius, 1987. №. 21. P. 23.*

⁹ *Masionienė B. Balys Sruoga rusų literatūros profesorius // Masionienė B. Literatūrinių ryšių pėdsakais. Vilnius, 1982. P. 154.*

- ¹⁰ *Blekaitis J. Radauskas // Metmenys. Chicago (III), 1977. № 33. P. 45–46.*
- ¹¹ Тамаре Платоновне Карсавиной «Бродячая собака». 26 марта 1914 [Стихотворения, стихи, ноты]. Пг., Подвал «Бродячей собаки» [1914].
- ¹² *Ахматова А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952.*
- ¹³ *Radauskas H. Henriko Radausko laišakai Ivarui Ivaskui. Sudarė S. Gaižiūnas. Vilnius, 2009. P. 40.*
- ¹⁴ *Ахматова А. Собр. соч. В 3 т. / Ред. Г. Струве и Б. Филиппов. Вашингтон, 1965–1983.*
- ¹⁵ *Radauskas H. Henriko Radausko laišakai Ivarui Ivaskui. Sudarė S. Gaižiūnas. Vilnius, 2009. P. 220.*
- ¹⁶ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 2001–2009 ir Papildymai 1940–2000. Vilnius, 2009. P. 123–124.*
- ¹⁷ *Radauskas H. Henriko Radausko laišakai Ivarui Ivaskui. Sudarė S. Gaižiūnas. Vilnius, 2009. P. 45.*
- ¹⁸ Там же. P. 59–60.
- ¹⁹ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1976–2000. Vilnius, 2003. P. 266–267.*
- ²⁰ *Šilbajoris R. Filosofinių dimensijų poezija // Aidai. Brooklyn, 1985. Nr. 5 rugsėjis-spalis. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aidai.eu/index.php?option=com_content&task=view&i=7921&Itemid=503*
- ²¹ Там же.
- ²² *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1976–2000. Vilnius, 2003. P. 143–144, 492; Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 2001–2009 ir Papildymai 1940–2000. Vilnius, 2009. P. 117*
- ²³ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1976–2000. Vilnius, 2003. P. 492.*
- ²⁴ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1938–1975. Vilnius, 2002. P. 423.*
- ²⁵ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1976–2000. Vilnius, 2003. P. 51.*
- ²⁶ *Венцлова Т. Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб., 2001. С. 76–91.; Venclova T. Pertrūkis tikrovėje. Vilnius, 2013. P. 507–518.*
- ²⁷ *Ахматова А. Соч. В 2 т. Том I. М., 1990. С. 160.*
- ²⁸ *Venclova T. Reginys iš alėjos. Vilnius, 1998. P. 13.*
- ²⁹ *Lietuvių enciklopedija. Pirmas tomas. Boston, 1953–1985. P. 27.*
- ³⁰ *Nyka-Niliūnas A. Temos ir variacijos. Vilnius, 1996. P. 76.*
- ³¹ *Achmatova A. <Eilėraščiai> // Draugas, Mokslas, menas, literatūra. Vertė P. Gaučys. Antroji dalis. Chicago (III), 1968. Lapkričio mėn. 30 d. № 282(48). P. 3.*
- ³² *Gaučys P. <А. Ахматова. Биографический очерк. Портрет Н. Тырсы> // Draugas, Mokslas, menas, literatūra. Antroji dalis. Chicago (III), 1968. Lapkričio mėn. 30 d. № 282(48). P. 3.*
- ³³ *Grauslys A. Žmogaus vienvėdis // Laiškai lietuviams. Chicago (III), 1956. Liepa – rugpjūtis, № 7. P. 215.*
- ³⁴ *Literatūros lankai. Autoriai. Buenos Aires, 1953. № 3. P. 32.*
- ³⁵ *Venclova T. Pasaulinės literatūros recepcija šių dienų Lietuvoje // Draugas: mokslas, menas, literatūra. Antroji dalis. Chicago (III), 1978. Kovo mėn. 25 d. № 71 (12). P. 2.*
- ³⁶ *Daujotytė V. Dramatiškoji epochos herojė // Achmatova A. Erškėtis žydi. Eilėraščiai ir poema. Vilnius, 1994. P. 17.*